

(с. 196). Однако этот тезис нуждается в дополнении: мифологизм не только сохраняется как память языка, но и может обновляться и даже развиваться в языке (ср. процесс ремифологизации и явление неомифологизма в культуре). Так, воздействие представления об «одевающем, дающем боге» (отражения этого представления в языке обстоятельно рассмотрены в книге на с. 130—137) на частицу *авось*, первоначально имевшую узкое значение «а вот здесь/сейчас», видимо, и сыграло решающую роль в том, что это слово стало «Шиболетом народным» (А. С. Пушкин).

В четвертой главе монографии В. М. Мокиенко рассматривает фразеологический аспект проблемы, поставленной еще П. М. Бицилли⁹: какова роль фольклора в становлении фразеологии современного русского литературного языка? Автор изучает происхождение ряда фольклорных формул (*жили-были, гой-еси* и др.), рассматривает разные их этимологические версии, причем анализ ведется в широком лингвистическом и этнографическом контекстах. Многие частные замечания имеют прямой или опосредованный выход в теорию. Сопоставляя одну из характерных «формул невозможного» (П. Г. Богатырев)¹⁰ — (*когда песок по камню взойдет*) — со скотоводческим обрядом опахивания, он высказывает мысль о том, что «формула... породила реальное действие» (с. 213). В данном случае затронута очень сложная и исключительно важная проблема, стоящая перед этнолингвистикой: каков характер отношений между фразеологизмом и обрядом, что чему предшествует. Полемика с В. В. Колесовым по вопросу о происхождении выражения *сказка про белого бычка* (с. 237—243) важна и поучительна не только сама по себе, но и в теоретическом плане, что очень точно сформулировал автор: «Возможно ли полное смысловое „переодевание“ искомого оборота?». Тонкий анализ поговорки *тише воды, ниже травы* показывает, что именно фольклорная символика определила здесь выбор реалий.

В. М. Мокиенко убедительно доказывает, что «переход свободного сочетания в идиому обычно вызван переключением „жанрового регистра“, т. е. перемещением формулы из фольклорного текста в текст художественной литературы» (с. 224—225). В этом плане рассмотрен путь из фольклорной во внефольклорную речь ряда выражений: *красная девица, белый свет, живая вода и мертвая вода*. Что касается двух последних, то необходимо подчеркнуть, что в фольклоре они противопоставляются синтагматически (сюжетно), в литературном языке — парадигматически (антонимически). Символ *живая вода* (известный мифологиям многих народов) встречается и в древнерусской литературе¹¹ — следует учитывать и книжное влияние на его современное употребление.

Итак, В. М. Мокиенко написал очень нужную и своевременную книгу. Отдельные отмеченные в рецензии спорные моменты свидетельствуют, в первую очередь, о том, что славянская этнолингвистика (и историческая фразеология как ее составная часть) находится в процессе становления, ее методы — в стадии выработки и апробации. На этом этапе особенно важны работы, в которых поставлены новые проблемы и намечены пути их решения. Именно таким «открытым» исследованием и являются «Образы русской речи».

Я. И. Гин

⁹ Бицилли П. М. Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка // Городишник на Софийския университет. Историко-филологический факультет. София, 1944. С. 1—53.

¹⁰ Богатырев П. Г. Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Посвящается V Международному съезду славистов. Уфа, 1962. С. 347—363.

¹¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 50, 122.

Фольклор Русского Устья / Отв. ред. Азбелев С. Н., Мещерский Н. А. Л., 1986.

Вышедший в 1986 г. сборник «Фольклор Русского Устья» представляет собой один из томов издающейся уже около четверти века серии «Памятники русского фольклора». По содержащемуся в нем материалу он является одним из наиболее ценных томов этой серии. Работа подготовлена Ин-том русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Основу публикаций составили рукописи, хранящиеся в архиве Якутского филиала СО АН СССР и в Якутском университете (записи Н. А. Габышева 1946., М. А. Кротова 1931 г., С. Боло 1941 г., записи экспедиций 1960—1970 гг.), а также хранящиеся в Ленинграде записи 1928 г. Д. Д. Травина и записи совместной экспедиции Пушкинского дома и Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР 1977 г., произведенные С. Н. Азбелевым и Ю. Н. Дьяконовой. Все они публикуются впервые. При комментировании неизданных текстов использованы ранее опубликованные записи И. А. Худякова, В. М. Зензинова, А. Л. Биркенгофа. Таким образом, сборник отразил результаты собирательской работы в Русском Устье примерно за 100 лет и заключает в себе почти все произведения русского фольклора, когда-либо здесь записанные.

Селение Русское Устье, расположенное при впадении р. Индигирки в Ледовитый океан (северо-восточная часть Якутии), занимает, как об этом говорится в предисловии, особое место в истории русского народа. Селение существует более трех с половиной столетий. Согласно местным преданиям, оно основано русскими выходцами с

севера Европейской России, из владений Великого Новгорода. Разные версии подобных преданий сходятся на том, что предки «коренных фамилий» Русского Устья прибыли сюда морским путем во времена Ивана Грозного. Как замечает С. Н. Азбелев, достоверность преданий доказывается археологическими находками, датированными XV в. на п-ове Таймыр. Согласно другим историческим свидетельствам, русскоустыинцы являются потомками русских замлепроходцев и мореходов XVII в., обосновавшихся первоначально в районе г. Зашиверска и продвинувшихся в более позднее время в дельту Индигирки. Исторические судьбы русскоустыинцев обусловили характерные особенности их культуры и быта. Так, наряду с чертами древнерусского языка в речи современных жителей Русского Устья присутствуют диалектические особенности, свойственные севернорусскому наречию, особенно его новгородской и олонекской групп. Соседство жителей Русского Устья с народностями, жившими в заполярной тундре, обусловило взаимовлияние русского языка с языками якутским, эвенкским и эвенским. Однако в своей основе — произношении, грамматическом строе, лексическом фонде — речь русскоустыинцев остается русской. Об этом свидетельствует и большинство записей фольклора, содержащихся в сборнике. Участники побывавших здесь экспедиций неизменно отмечали особую приверженность местных жителей ко всему русскому, благоговейное отношение к наследию предков.

Предлагаемый читателям сборник содержит во многом уникальные записи; в нем представлены все виды песенного и прозаического фольклора: былины, баллады, исторические, лирические песни, обрядовая поэзия, частушки, предания и легенды, сказки, пословицы и поговорки, загадки. Публикации текстов предшествует написанное С. Н. Азбелевым и Н. А. Мещерским предисловие, в котором дается краткий исторический очерк Русского Устья и историография собирательской работы фольклористов и этнографов, побывавших в селе. Во вступительной статье, написанной составителями сборника, содержится анализ главных особенностей публикуемого материала. После текстов следуют «Комментарии», содержащие заметки о способе публикаций текстов, словарь местных и старинных слов и оборотов, паспортные данные и примечания к текстам с указанием их вариантов. В конце книги содержится приложение, открывающееся этнографическим очерком сотрудницы Института этнографии АН СССР Р. В. Каменецкой «Русские старожилы в низовьях р. Индигирки». За ним следует статья М. Ф. Дружининой «О говоре русских старожил на Нижней Индигирке» и очерк уроженца Русского Устья А. Г. Чикачева «К истории русского населения по р. Индигирке».

Большую часть сборника занимают сказки; жанр этот пользовался в Русском Устье большой популярностью и развивался своеобразно. Исследователи отмечают характерную для русскоустыинской традиции тенденцию к удлинению сказок, наличие интереснейших контаминаций. О том, что сказочная традиция русскоустыинцев не механически передавалась из поколения в поколение, свидетельствует такой факт: в Русском Устье бытовали оформленные под волшебную сказку древнерусские приключенческие повести и более поздние лубочные сказки. К числу оригинальных черт рассматриваемой сказочной традиции можно отнести наличие в ней немалого числа сказок-быличек. В них, на наш взгляд, в большей мере сказалось влияние иноязычных соседей, в частности, в отраженных в сказках представлениях о «хозяевах стихий».

Из легенд и преданий, записанных в Русском Устье, выделяются предания о заселении села, о том, как еще при Иване Грозном предки русскоустыинцев бежали сюда на ботах и кочах морем, осели в устье реки, назвав свой первый поселок Русским Устьем или Русским Жилом. Несомненный этнографический интерес вызывает группа преданий и легенд о соседях русскоустыинцев.

Былины представлены в сборнике 25 текстами, в которых отражены 11 былинных сюжетов, сохранившихся в фольклоре русскоустыинцев. Хотя записей былин в Русском Устье сравнительно немного, значение их очень велико. По мнению С. Н. Азбелева, проделавшего текстологический анализ текстов и прокомментировавшего их, «они не только сопоставимы по фольклористической ценности с текстами Кирши Данилова, но в ряде случаев отражают более древнее состояние эпической традиции» (с. 29).

Раздел песен включает разные песенные жанры, как старинные, так и новые. Старинные песни распределены по следующим разделам: баллады фольклорного и литературного происхождения, песни балладного типа, романсы, лирические песни, песни игровые, плясовые и календарные. Интересно, что наряду с очень старыми и редкими песнями здесь бытовали песни литературного происхождения, поздняя баллада и городской романс, публиковавшиеся в многочисленных песенниках и на лубочных картинках. Все это свидетельствует, что изоляция жителей Русского Устья была относительной, как это верно отмечено А. Н. Розовым. Традиционный песенный репертуар пополнился благодаря прибывавшим в Русское Устье рыбакам-зимовщикам, ссыльным, заезжавшим сюда купцам и чиновникам.

Несомненный интерес представляет свадебный обряд, составленный на основе разных (по времени и по качеству) описаний. Верность традиции, с одной стороны, и влияние местного быта — с другой, проявились здесь очень ярко, что требует специального изучения. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает отмеченный составителями факт, что русскоустыинцы сохранили в свадьбе традиции своих севернорусских предков, принесших в Русское Устье хорошо развитый свадебный обряд с лирическими, величальными и корильными песнями. Однако они не знают обычая причитания, собственного, как известно, севернорусской свадьбе. Изучение этого вопроса может сыграть немалую роль в решении спорных проблем, касающихся происхождения русской свадебной причеты.

Большую научную ценность представляют сделанные на высоком научном уровне комментарии, потребовавшие от их составителей немалого труда. Благодаря им сбор-

ник представляет собой не только образец высокого текстологического уровня, но и хорошей документированности помещенных в нем материалов.

Несомненный интерес вызовут у читателей статьи «Приложения». Р. В. Каменецкая опровергает сложившееся в науке мнение, что старожилы Заполярья, сохранив русский язык XVI—XVII вв. и богатый фольклор, переняли у окружающих их сибирских народов основные отрасли хозяйства и материальную культуру. Появившиеся в последнее десятилетие фундаментальные исследования историков, этнографов и археологов, посвященные русскому населению Сибири и Европейского Севера, дают основания полагать, что основными занятиями русского населения Европейского Севера задолго до выхода его в Сибирь были арктическое промысловое мореплавание, охота и рыболовство, т. е. существовал полярный вариант севернорусской культуры. А те черты в материальной культуре, которые связывают русских с соседними народами, присущи населению всего побережья Ледовитого океана. Автор показывает, что русские старожилы Колымско-Индигирского края довольно полно сохранили традиционные формы хозяйства, принесенные из европейской части России. Об этом, в частности, свидетельствует старожильческая терминология мест, способов и орудий лова, приемы возведения жилищ и других хозяйственных построек.

Основной вывод исследования говора русских старожил на Нижней Индигирке, содержащийся в следующем разделе — статье М. Ф. Дружининой, состоит в том, что нижнеиндигирский русский говор имеет много общего с севернорусским наречием, хотя многие факторы, обнаруживаемые в его фонетической системе и грамматическом строе, могут быть связаны с иноязычными соседями русскоустыинцев. О большой доле севернорусского компонента в сложении русского населения по р. Индигирке пишет в историческом очерке А. Г. Чикачев. Однако, касаясь преданий русскоустыинцев, повествующих о том, что их предки прибыли сюда морским путем прямо из России, автор говорит, что достаточных исторических свидетельств в пользу их достоверности нет. Больше данных, что русскоустыинцы прибыли в низовья Индигирки с юга. Любопытно, на наш взгляд, замечание автора, что, по преданиям, предки теперешних жителей Русского Устья были выходцами в основном из северо-западных русских губерний. В этой связи вспоминается статья Д. К. Зеленина «О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода» (Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1954, № 6), в которой автор привлекает материалы по диалектологии Русского Устья для доказательства своего вывода об участии западнославянского компонента в сложении населения Севера Европейской России. К сожалению, эта важная и интересная статья Д. К. Зеленина выпала из поля зрения исследователей.

К числу недостатков сборника можно отнести, на наш взгляд, малое число иллюстраций, хотя, по всей вероятности, это вызвано небольшим листажом. Остается пожелать, чтобы в ближайшем будущем вышел очередной том, посвященный Русскому Устью, где бы такой материал был представлен. Ведь многие стороны культуры и быта русскоустыинцев, в частности народное изобразительное искусство, остались неосвещенными.

В заключение хочется выразить благодарность коллективу авторов за большой, интересный и нужный труд.

С. И. Дмитриева

М. Б. Канделаки. Из общественного быта горцев Грузии — институт аманатства. Тбилиси. 1987. 140 с.

Изучение общественного быта — традиционная тема для кавказоведческих исследований. Библиография специальных работ насчитывает к настоящему времени не одну сотню названий как в дореволюционной, так и в советской историографии вопроса. Теперь к этому внушительному списку присоединилась и рецензируемая монография М. Б. Канделаки, научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

Исследование М. Б. Канделаки территориально ограничено горными областями Грузии — Хевсурети, Пшави, Тушети, Мтиулет, Гудамакари, Хеви. Интерес автора к этому региону вполне закономерен. Вплоть до начала XX в. устои общественной жизни горцев сохраняли значительную традиционность, а нормы повседневного быта во многом определялись архаическими патриархально-родовыми институтами. Одним из таких архаических институтов было аманатство, первоначальное зарождение которого автор справедливо относит к эпохе доклассовой формации.

Аманатство не было исключительно грузинским явлением. М. Б. Канделаки верно указывает, что это «явление общекавказского масштаба» (с. 5). Именно так аманатство и зафиксировано в специальной литературе, где оно рассматривается как широко разветвленный комплекс специфических обычаев и норм. Однако М. Б. Канделаки продемонстрировала — и это одно из достоинств книги, — что под термином «аманатство» оказались объединенными внешне похожие, но стадийно и типологически весьма различные явления. Сюда относятся широко практиковавшийся обычай принятия в общину чужеродца, содержание заложников, передача какой-либо вещи на хранение, наконец, — что было характерно для грузинских горцев — в категорию аманатов попадали гости, находившиеся в общине, мужья-примаки, дети-сироты и др. Таким образом содержание термина «аманат» крайне расплывчато и неоднозначно. Это — следствие того, что при заимствовании из арабского слово «аманат» помимо основного значения приобрело ряд дополнительных, что само по себе не такой уж редкий случай. Попутно